

Вальтер Марков

А. З. МАНФРЕД — ИСТОРИК ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

перевод **А. И. Кокеева**

Французский ежегодник 1981

М.: Наука. 1983. С.153-157

Веб-публикация: **Vive Liberta, 2011**

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Собрание работ А.З.Манфреда и материалов о нем:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#manf>

᾿Αὐδρᾶ μοι εὐνεπέ, Μοῦσα...

(Муза, скажи мне о муже...)

Гомер. Одиссея, песнь I

На каждого, кто близко знал Альберта Захаровича, производила глубокое впечатление необычайная многогранность его таланта и духовных интересов. Он был одновременно исследователем и художником, и можно предположить, что последнее качество он унаследовал по материнской линии от Бакста. Оба начала, взаимно обогащающие и противоборствующие, присутствовали в насыщенной жизни нашего друга, пока наконец не переплелись. Не погрешив против истины, можно сказать, что из молодого поэта, писателя и публициста 20-х годов вышел историк, чье внимание все больше и больше сосредоточивалось на основном для него предмете — Великой французской революции, названной Гегелем «восходом солнца» 1789 г.

Интерес к Франции и любовь к веку Просвещения А. З. Манфред вынес еще из родительского дома. К этому добавились запечатлевшиеся в детстве бурные события революции 1917 г. Историк, ученик В. П. Волгина и Н. М. Лукина-Антонова, он познал ее бури, ее потрясающие испытания. Научный метод, которым он овладел в высшей школе (РАНИОН), был наполнен плотью и кровью этой истории.

Октябрьская революция неожиданно для многих способствовала тому, что классическое понимание буржуазных революций обрело новые масштабы, так как открылись возможности не только поставить многие вопросы значительно основательней и глубже, чем раньше, но и получить на них ответ.

Никто иной как В. И. Ленин указывал на то, что «„национальные“ традиции 1792 года во Франции останутся, может быть, навсегда образцом известных революционных приемов борьбы»¹.

А. З. Манфред подходил к постижению этого постепенно. Как он сам рассказывает в предисловии к книге «Три портрета», написанной им на исходе жизни, эта тема пленила его еще в юношеские дни. Но лишь спустя много времени эта увлеченность выкристаллизовалась в решение *eis aei* (навсегда).

После долгих лет преподавательской работы в провинции в 1945 г. он пришел в Институт истории Академии наук СССР, где проработал более 30 лет. И тогда это решение было осуществлено.

Его обращение к французской революции ни в коей мере не было случайным увлечением ученого. Когда Альберт Захарович начал писать о ней, он был зрелым сорокалетним человеком, педагогом с богатым опытом. Он знал, что ставит перед собой чрезвычайно ответственную задачу, вступает в круг ко многому обязывающих традиций.

Исследования по французской революции издавна обрели в России права гражданства. Можно считать, что с XIX столетия они становятся одним из катализаторов общественного движения, борьбы социальных и политических идей. Нигде, помимо Франции, эта тема не исследовалась с такой интенсивностью и самоотдачей, нигде дискуссии, которые велись вокруг нее под лозунгом «*tua res agitur*» (речь идет о твоём деле), не

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 27.

были так злободневны, как в России. В них участвовали крупные ученые (Ардашев, Кареев, Лучицкий, Ковалевский, Кропоткин). Их труды вызывали мировой резонанс. Некоторые из них, посвященные отдельным областям экономической и социальной истории Франции, определили международный уровень и даже оказывали определенное влияние на развитие исследований в этой стране. В советскую эру наследниками прославленной «русской школы», воспринявшими ее богатства, стали В. П. Волгин, Е. В. Тарле, Н. М. Лукин-Антонов, П. П. Щеголев, Я. М. Захер и другие ученые. Они сохранили ее традиции и развили их в своих трудах, идя, конечно, новыми путями.

Таким образом, А. З. Манфред ступал отнюдь не на бесплодную целину. Он очертил поле своей деятельности, сознавая, что ее результаты будут мерить по другим, уже известным — да еще каким! — достижениям. Кроме того, как и всякий, кто стремится постичь историю не собственного, а другого народа, он должен был четко уяснить суть своей специфической и конкретно выполнимой научной задачи. Дело в том, что всегда существовали и, естественно, сохраняются и впредь такие сюжеты, которые в значительной степени связаны с *genius loci* (с местными корнями) и которые требуют долговременного личного присутствия историка на месте событий.

Не живя в прекрасной Франции, мы ограничиваем себя в известной мере ролью посредников в распространении необходимых знаний о французской истории на нашей родине. Одновременно мы являемся как бы посланцами, раскрывающими перед многими далекие горизонты, убеждая их от поверхностного, одностороннего взгляда; мы пропагандируем комплексный анализ исторических взаимосвязей между народами и пытаемся его осуществлять. Исходя из этого, мы, разумеется, стремимся проявить самостоятельность и внести серьезный исследовательский вклад. При этом мы соразмерно нашим силам вмешиваемся в концептуальные дебаты о революции; опираясь на имеющиеся у нас материалы и на концепции, стремимся перешагнуть через границы и языковые барьеры.

Перед Альбертом Захаровичем эти трудности не возникали. Он никогда не ограничивался лишь одной эпохой революции, никогда не пренебрегал другими проблемами. Он мыслил категориями крупных исторических взаимосвязей. Он всегда придавал исключительно важное значение истории русско-французских и советско-французских отношений в области культуры и литературы, так же как и в области политики и дипломатии. В числе его трудов есть работы о Руссо и Бланки, о 1848 г. и о Парижской Коммуне 1871 г. И тот «революционный жар», которым он был охвачен, распространился с самого начала на весь «французский цикл», включая его просветительское «преддверие».

Высокий профессионализм и глубокий интерес к Франции в равной степени отличали и его подход к Великой французской революции, в каком бы качестве он ни выступал: и как готовый к спору теоретик, и как биограф, и как издатель источников и сборников, и как автор специальных исследований и учебников. Именно в этом последнем качестве он раньше всего снискал международное признание и для нескольких поколений студентов стал «Манфредом».

Книга по истории революции, написанная в 1950 г. как пособие для учителей, была им переработана в 1956 г. после XX съезда КПСС (французское издание — 1961 г.) и значительно улучшена и в таком виде предложена широким читателям под названием «Великая французская революция XVIII века». А за время, прошедшее между этими изданиями, небольшая книга начала свое кругосветное путешествие: ее переводы были изданы в Венгрии и Китае, в ГДР и Португалии, в Мексике и Бразилии. За два десятилетия она выдержала множество изданий.

Чрезвычайно высокая оценка этой работы В. П. Волгиным во многом объясняет ее успех: «Об огромном интересе в Советском Союзе к истории французской революции свидетельствует обилие научно-популярных работ по этой теме, весьма, впрочем, неоднородных по своим научным и

литературным достоинствам. Наиболее ценной и в научном отношении содержательной является работа А. З. Манфреда, основывающаяся не только на тщательном изучении литературы о французской революции, но и на продуманном использовании источников»².

Книга отвечала, однако, и более широким общественным потребностям. После победы антигитлеровской коалиции демократические и социалистические силы остро ощущали отсутствие целостной *марксистской* концепции французской революции, изложенной в доступной форме. Успехи, достигнутые советской исторической наукой, были известны за рубежом лишь немногим специалистам, владеющим русским языком, для остальных они оставались за семью печатями. Теперь наконец появилась возможность поучиться у нее, вступить с ней в диалог. В университетах многих социалистических стран работа А. З. Манфреда стала первой книгой для семинарских занятий, при подготовке к экзаменам подрастающего молодого поколения историков французской революции: почти не встречалось студента, который не использовал бы эту работу, не ориентировался бы на нее. И хотя недостаток в литературе со временем был восполнен, однако к этому «первенцу» Альберта Захаровича по-прежнему испытываешь благодарность; ведь недаром говорится «каждое начало трудно...».

Как полемист, он обладал острым пером — *suaviter in modo, fortiter in re* (мягко по форме и резко по существу). Главное внимание его было направлено на защиту характера и значения якобинской диктатуры — кульминации революционно-демократического процесса — как известно, издавна наиболее горячо дебатированной проблемы и во Франции и за ее пределами. Ее обсуждение вызвало резонанс уже в ранние годы Советской власти, когда вслед за теоретически отточенными работами Н. М. Лукина, С. М. Моносова, Н. П. Фрейберг, Г. С. Фридлянда и других в 1930 г. была опубликована такая богатая мыслями книга, как «Проблема якобинской диктатуры» Я. С. Старосельского.

После этого привычная область споров несколько передвинулась. Вслед за окончательной, как казалось вначале, реабилитацией революционного правительства, обеспечившего победы над внутренней и внешней контрреволюцией, реабилитацией движущих классовых сил революции и ее робеспьеристского руководства школой Альбера Матьеза и Жоржа Лефевра, в буржуазной и ревизионистской историографии обозначился обратный процесс «деякобинизации», проявившийся в трудах разных историков. Это тори Коббен, всегда выступавший с открытым забралом и объявивший под аплодисменты «американской школы» революцию «мифом». Это Д. Герен, которому после «Парижского мая» (1968) подражали многие гошписты и который искусно представил второстепенные противоречия *внутри* левых между «якобинцами и санкюлотами», как ключ к пониманию драмы революции и превратил робеспьеристов, если можно так сказать, в некое подобие добропорядочных термидорианцев. Это и Ф. Фюре (и не только он один), который низвел понимание якобинской диктатуры до положения о том, что «умеренная» революция, совершенная духовной элитой, «забуксовала». И наконец, Р. Кобб, который сначала критиковал якобинцев с левых позиций, а позднее напал на них справа.

Альберт Захарович воспринял это как вызов и не мог молчать. Он с готовностью допускал, что по отдельным вопросам могут быть различные оценки и у марксистов, и они существовали в действительности. Никто не знал лучше него, что для пытливых историков не существует готовых «патентованных» решений и что лишь в полемике рождаются аргументы и доказательства. Его прекрасная статья «О природе якобинской диктатуры», на многое пролившая свет, стала весомым вкладом в дискуссию. В этой статье, как и во многих других работах, он ясно

² Французский ежегодник, 1958. М., 1959, с. 499.

показывает разницу между вопросами, созревшими для решения, и вопросами, еще не решенными. Он соглашается, что революционное крестьянское движение и движение городских народных масс, «санкюлотов», не говоря уже о восстании рабов в Сан-Доминго, имели свои особенности и закономерности (на что обращали внимание Ж. Лефевр и А. Собуль), которые не следует замалчивать. Однако он тут же предостерегает от преувеличения этой «сравнительной автономности» — преувеличения, подрывающего тезис о бесспорно *доминирующем* единстве буржуазно-демократической революции и заменяющего его тезисом о параллельных революциях. Он также ни в коей мере не отрицает «буржуазности» и неизбежной «буржуазной ограниченности» якобинцев. Но он утверждает, что в конечном итоге якобинская диктатура означала нечто большее, чем только приход к власти радикальной монтаньярской фракции патриотической буржуазии, и что именно приобщение широкой мелкобуржуазной массы к осуществлению власти обусловило историческую самобытность этого революционного порыва (хотя и лишь на переходный момент, а не как долговечную «межклассовую» конструкцию). Естественно, что при этом «якобинцы» понимались А. З. Манфредом всегда в широком смысле; не только как члены парижского клуба на улице Оноре, платящие взносы, но как активисты вообще, которые, пусть на время, примкнули к социально гетерогенному блоку, представленному многочисленными народными обществами и десятками тысяч революционных комитетов по всей стране.

Альберт Захарович никогда не сомневался в том, что воплощенный в полномочиях Комитета общественного спасения принцип демократического централизма в особых условиях II года Республики, несмотря на ошибки и упущения, являлся абсолютной необходимостью для «осажденной крепости Франции» и что борьба против этого принципа угрожала жизни республики. Такой подход способствовал тому, что А. З. Манфред не преувеличивал значения политических акций небольших оппозиционных крайне левых групп, оценка которых затрудняла Жореса и вопрос этот вплоть до сегодняшнего дня полностью не решен. Однако А. З. Манфред проводил четкое различие между запутавшимися в политической безысходности «бешеными» с их честным поиском и социальным чувством ответственности за бедных и обездоленных и «критиками» нашего времени, выступающими под видом историков, чей пыл в действительности направлен против совсем иного демократического централизма, чем практиковавшийся якобинцами в XVIII столетии.

К этому нужно добавить ниспровержение последними героев революции. Это побудило Манфреда выступить в качестве биографа Робеспьера и Марата, великолепного публикатора и комментатора их избранных произведений, с трудами которых он впервые столь полно познакомил советского читателя. Но на этом он не остановился.

Не боясь быть отвергнутым приверженцами весьма распространенного модного течения, отрицающими «историческую историю» и называющими ее просто «глупой историей», он нашел интересную возможность показать в биографиях реальных личностей отношение «объект — субъект» в историческом процессе. Его «положительные герои» Жан Поль Марат и Максимилиан Робеспьер не полубоги и ни в коей мере не безусловные образцы революционности для нашего времени. Он пишет о них с исторической дистанции и, естественно, с внутренним участием, как этого и заслуживают выдающиеся революционеры такого масштаба, однако никогда не опускается до выражения слепой симпатии. Он взвешивает и проверяет, одобряет или отвергает, показывает одновременно их величие и ограниченность. Он приближает их к нам без приглашения и прихорашивания, но и без заносчивости потомка. Он делает это с помощью огромного количества доступной информации, критически осмысливая ее, не выдвигая к ним чрезмерных требований и не снижая их. Он следует В. И. Ленину, который разъяснял, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравни-

тельно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками»³.

Можно полагать, что возрастающая любовь к биографическому жанру была обусловлена не только научной потребностью, но и литературными склонностями Альберта Захаровича. Где еще историку дана такая возможность в равной мере сочетать научную фантазию и литературно-эстетическую силу образности, как не при моделировании личности, которая, по словам Франца Меринга, всегда для нас будет не просто тысячью частностей, ее составляющих.

Альберт Захарович запечатлел многих, среди них были и его коллеги Жорес и Тарле. Однако в наибольшей степени свои замыслы, как нам представляется, он воплотил в триптихе о революции «Три портрета», название которого заимствовано у Тургенева, высоко почитаемого автором. Книга вышла только в 1978 г., уже после его смерти и стала эпилогом его многолетней работы над сюжетами из истории Франции. В книге соседствуют и контрастируют три сверкающие звезды: Руссо, Мирабо и Робеспьер — первопроходцы на повороте мировой истории, всегда привлекавшие биографов своей загадочностью. Поражает портрет окруженного своеобразным ореолом «льва» и «предателя» молодой буржуазной революции, «классового беженца» графа Мирабо, которого многие (и марксисты не в последнюю очередь) до сих пор предпочитали обходить молчанием. Но разве понять значит простить? Ни в коей мере. Но надо понять, прежде чем осудить. Ведь история не совсем такова, какой она «в сущности» должна быть; она такова, какова она есть, со всеми ее составляющими, даже самыми мрачными, которые в головах и сердцах сплетаются в трудно распутываемые клубки.

Если хотите, то и протагонист в манфредовском шедевре — человек с Корсики — продукт, наследник и неверный продолжатель Великой революции — стоит в ряду загадочных натур, которых каждая партия искажает своей благосклонностью или ненавистью. Говорят, что историки французской революции обычно заканчивали тем, что писали своего «Наполеона» (Минье, Тьер, Тэн, Лефевр, Собуль и др.), делая это с различной степенью компетентности. Для Альберта Захаровича это означало кульминацию всего его творчества. Его «Наполеон Бонапарт» в такой же мере составная часть истории революции, в которой и ее амбивалентный результат — диалектический итог в высокохудожественном исполнении, который останется незывлемым и тогда, когда непосредственно личные воспоминания о мастере угаснут с кончиной его друзей и учеников во всем мире.

Альберт Захарович все еще стоит перед глазами как живой. На скольких коллоквиумах и заседаниях в разных уголках Европы встречались около кафедры или в кулуарах; как часто мы наслаждались гостеприимством его и его супруги в Москве! Сколько плодотворных импульсов исходило от него в связи с совместным участием в публикациях и научных мероприятиях, работой во «Французском ежегоднике», душой которого он был. С какой радостью мы избрали его одним из трех почетных президентов, когда наша Международная комиссия истории французской революции была наконец официально признана на Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско в 1975 г. Альберту Захаровичу, давнему другу Франции, который столько сделал для диалога между советскими и французскими историками, выпала честь получить высокое звание *doctor honoris causa* университета Клермон-Феррана. Когда мы с ним встретились в польском городе Небров в последний раз осенью 1976 г., на его лице была печать болезни. Вскоре после этого мы узнали о том, что наш верный друг и собрат ушел навсегда.

Он оставил нам боль от невозполнимой утраты. Но он оставил также пример и плоды своих трудов. И это мы можем наследовать.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.